

Николай Ободников

ЗАМОК СОЛНЦА

Гавань светлой печали для ваших сердец..

16+

Николай Ободников

Замок Солнца

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Ободников Н.

Замок Солнца / Н. Ободников — «ЛитРес: Самиздат», 2017

ISBN 978-5-532-11910-9

В результате аморального эксперимента по восстановлению мертвых тканей Дэвин оказывается единственным человеком, выжившим в глобальной катастрофе, стерилизовавшей планету от всех форм жизни. Не имея возможности покинуть пугающий замок, обреченный на одиночество Дэвин сближается со вторым узником этого солнечного кошмара — опасным существом, в чьем неузнаваемом теле оказались переплетены собачий рассудок и разумы тех, кто принес весь мир и самих себя на алтарь спасения одной-единственной жизни...

ISBN 978-5-532-11910-9

© Ободников Н., 2017
© ЛитРес: Самиздат, 2017

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

34

Шум... Раздражение... Вес... Муравьиные уколы по всему телу...

«Муравьи? Что такое – "муравьи"?..» – беспомощно подумал я.

Потом они открылись, и дискомфорт заполнил их, насыщая глубиной резкости. Я с трудом снова закрыл их. Помимо этого, я ощутил, что часть меня была особенно незащищена: там было мокро...

«"Мокро"? – вяло удивился я. – Как... как это?..»

Вдруг всё затряслось, и я испуганно почувствовал, что трясется то, в чём я нахожусь.

«Это... это испуг, страх... – апатично перечислил я. – Я... я испытываю страх?.. А то, что дрожит, – мое тело? Да, это мое испуганное и дрожащее тело...»

Что-то яркое настойчиво пробиралось сквозь мои плотно зажмуренные веки. Я осторожно открыл глаза.

«Так вот как это называется – "глаза"», – пресно отметил я.

Я обнаружил, что покоился на удобном лежаке. Перед моим носом плавали зеленоватые пятна, вызванные лучами Солнца.

«Солнце... Что такое – "Солнце"? Свет? Жизнь? – Я положил руку себе на грудь и обеспокоенно почувствовал, как внутри меня нечто учащенно и тяжело билось. – Жизнь... Живой... Я... я – живой?.. Я... Но... кто я?.. Или... что я?..»

Где-то совсем рядом раздавался странный гул, заставляя меня невольно вслушиваться в него.

«Ветер», – блекло узнал я и попытался сесть.

Сесть не получалась: перегородка плоти, отделявшая мое «я» от всего этого, была словно сама по себе. Это было любопытно: мне будто приходилось всё это делать впервые.

«Так и есть», – бездумно кивнул я.

Я затих, разглядывая залитый отраженным светом Солнца потолок. Глаза обильно слезились. Я закрыл их и еще раз попытался принять сидячее положение. Мое тело было словно резиновое, запоздало отзываясь на мои мысленные сигналы.

«"Резиновое"? – нахмурился я. – Это... Резина используется в промышленности и не только, тогда как "резиновое" означает эластичную и пружинистую степень состояния чего бы то ни было. Помню... Или знаю?..»

Наконец я смог сесть, уперев при этом взгляд в мягкий бурый коврик, принявший мои босые ноги. В ответ на мой раскачивавшийся взор мои бледные пальцы ног с синеватыми ногтями робко пошевелились.

«Ноги... И они меня слушаются! – неожиданно изумился я до глубины души. – Душа?.. Я знаю, что это. Нет, не так: я знаю об этом не больше других, – поправил я себя. – Да что это за голос у меня в голове?! Это... это же мои мысли!.. Я слышу себя внутри... Поразительно... А каково это – слышать себя снаружи? – задумался я. – Звук. То, что шумит, называется – "звук". И его могу воспроизвести и я – при помощи... при помощи голосовых связок».

Не поднимая головы и продолжая разглядывать свои ноги, я попытался издать тот самый «звук». Однако тут я понял, что не знал, что именно должен был сказать... и на каком языке.

«А на каком языке я думаю? – окончательно растерялся я и взволнованно сцепил руки в замок в области паха, где было мокро. – Описался, – относительно спокойно констатировал я, хотя что-то мне подсказывало, что это должно было вызвать у меня как минимум стыд. – "Стыд" – интересное слово, означающее определенную степень смущения, смешанную с долей раскаяния».

Я заметил, что мои рассуждения стали более плавными и спокойными, словно нечто прекратило разрывать их на односложные куски. Я посмотрел на мокрое пятно и обнаружил, что оно являлось неотъемлемой частью моих белых просторных штанов со шнурком, кем-то заботливо завязанным узелком с одним бантиком.

«Интересно», – тяжело покосился я на свою грудь, одетую в такое же свободное одеяние.

Выглядело это как обычная белоснежная футболка с длинными широкими рукавами и круглой зашнурованным горловиной.

«И тоже со шнурком, – произвольно заметил я, в который раз искренне восхитившись способностью мыслить и осознавать это. – Мне надо найти сменные штаны».

Прекратив исследовать искусственное покрытие своей материальной оболочки, я поднял голову и окинул взглядом помещение, в котором оказался.

Всё было залито искрившимся светом, оседавшим на располагавшихся справа от меня безмерных, словно пливших по воздуху, занавесках, в которых с видимым удовольствием путался прохладный ветер. В самих оконных проемах не было даже окон. Рядом с невесомой материей занавесок сверкал овал выхода на лоджию – если я, конечно, правильно соотносил значение этого слова с небольшой площадкой, за которой была видна бесконечная синева солнечного дня.

Помимо этого, в комнате всё было перевернуто вверх дном: увесистые темно-бардовые гардины, бессмысленно закрывавшие сероватые каменные стены, были сорваны; на собранном горбом махровом ковре, представлявшем собой увеличенный вариант экземпляра, лежавшего под моими ногами, валялся небольшой тяжелый столик; в небольшой красноватой луже сверкали острые стеклянные осколки. За осколками, слева от отражавшего сияние светила шкафа, темным шепотом ютился еще один выход, уходивший в полумраке куда-то вглубь.

«Спуск в темноту», – передернулся я и тут же заинтересованно обнаружил, что в пугающий проем вела цепочка странных следов.

Следы шли из лужи. Рядом с ними покоился измятый ком желтой бумаги. Остальное убранство комнаты моего заворочавшегося любопытства не коснулось.

«Чьи это следы? Собаки? Кошки? – озадачился я, растерянно вспоминая всех известных мне животных. – И для тех, и для других они слишком крупные. Может быть, это следы большой кошки? – предположил я и тотчас встревоженно встрепенулся: – Здесь водятся *большие кошки*?! – Затем я неуверенно добавил: – А где это – здесь?..»

Судя по тому, что пролитая жидкость еще не успела высохнуть, с момента совершения действий, предшествовавших ее пролитию, прошло чуть менее пары часов. И это было здесь, со мной рядом, пока я...

«Пока я – что?.. Что со мной? Почему я здесь? – спросил я себя, пытаюсь найти ответы в своем заторможенном сознании. – Сознание. Сейчас я нахожусь в сознании, – вдумчиво осмыслил я. – Надо встать. Где-то должны быть подобные мне... Подобные мне – кто? Я... я человек... Я – человек».

Вспомнив первичные и вторичные половые признаки, а также настороженно пощупав себя при этом за влажную область паха, я равнодушно отметил, что являлся особью мужского пола.

«Самец, мужчина, человек», – зачарованно перечислил я.

Я стал медленно и чрезвычайно тщательно подниматься: элементарные алгоритмы, которые бы делали управление телом естественным и непринужденным, отсутствовали – или же просто дремали где-то глубоко внутри меня.

Пытаясь встать, я несколько раз неуклюже завалился на аккуратно застеленный лежак, на котором были смятая мной светлая подушка и хрустящее белое одеяло, поверх которого я совсем недавно лежал. В целом всё оказалось на удивление опрятным и чистым, несмотря на наличие на одеяле мокрого пятна – следствия преобладания моего бессознательного над сознательным.

Наконец поднявшись на заторможенно отзывавшиеся ноги – подъем сопровождался легким головокружением, – я сделал несколько робких и нерешительных шажков. Ступив с коврового покрытия на серо-сизый монолит пола, я вздрогнул, с наслаждением и удивлением впитывая босыми ступнями новые ощущения.

«Ничего, главное – по чуть-чуть», – подбодрил я себя, направляясь в сторону разлитой жидкости и ее раздавленной короны из осколков.

Пролитая влага вполне могла оказаться кровью – тем, что наполняет людские тела жизнью, позволяя им существовать и быть. Подойдя ближе, я грузно осел рядом с целью своего небольшого изнурительного паломничества, внутренне радуясь, что мне не пришлось испытать свою биологическую систему рефлексов и инстинктов путем падения на острые края стекла.

Расположенные неподалеку следы представляли собой высыхающие влажные пятна, имевшие по пять основных точек соприкосновений, четыре из которых остались от пальцев с едва заметными вершинами когтей.

«Собака?.. Такая большая?.. Они вроде не умеют втягивать когти – в отличие от кошек, – тягуче задумался я, разглядывая отпечатки размером с мою ладонь. – Да и на медвежьих, что частично сойдут за следы ног увесистого человека с огромными нестриженными ногтями, они не похожи».

Последняя мысль заставила меня поморщиться от неожиданного звона в голове, и я поспешно постарался переключить свое внимание на что-нибудь менее требовательное к умозаключениям.

«А вообще, это может чем угодно оказаться», – обессиленно заключил я, больше ничего, видимо, не зная или просто не имея возможности вспомнить это.

Больно уперев локоть в неровный пол, я неумело понюхал пролитую жидкость. Вместо ожидаемого железного запаха крови моего обоняния коснулся освежающий аромат ягод.

«Сок. А это, значит, был графин», – сообразил я и догадался, что эфемерное шершавое чувство, терзавшее меня с момента пробуждения, обозначало жажду.

Поводив сухим языком по иссушенной полости рта, я с сожалением попытался подняться. В то же время я с любопытством отметил, что шедший снаружи равномерный гул образовывался не столько от ветра, сколько от еще одного действия – шума бьющихся волн, шума прибора.

«Приятно», – поежился я, на секунду отдаваясь этому щекочущему чувству.

Не прекращая попыток встать и не желая больше необходимого искушать себя вождением сделать глоток из лужи с осколками, я дергано ухватил смятый обрывок бумаги, справедливо полагая, что он может стать хоть каким-то источником информации. Оставив бесплодное занятие по приданию своему телу вертикального положения и не без труда распрямившись в сидячем, я угловато поднял к глазам часть листка. На нём были подсыхающие пенные слюни и крупные рваные дыры, оставшиеся после огромных зубов.

«Кто или что в ответе за это?» – отстраненно и встревоженно подумал я, пытаясь вчитаться в неприветливую вязь знаков и символов.

«...ноября... ..года.

...всё... ..опыт... ..мысли... ..математики... ..оценить... ..некому!»

Я ничего не понял, не узнав слова и буквы. В голове была мешанина. Этот язык определенно был мне знаком, но я почему-то не мог вспомнить даже его название – если я его вообще знал. Вместе с этим написанное явно имело единый лингвистический союз с моими мыслями: значение отдельных слов медленно проникало в мой неспешно разгоравшийся разум. Помимо этого, сложность чтения усугублялась еще и тем, что писавший словно экономил бумагу, прикладывая максимум усилий для того, чтобы текст получился как можно мельче и убористей.

Я на миг прикрыл тяжелые веки и утомленно попробовал вчитаться еще раз.

«22 ноября... ..года.

Воскресенье.

...всё готово. Этот... ..опыт... ..вершиной гения... ..мысли... ..физики, математики... ..даже невзирая... ..оценить... ..будет... ..некому!»

Получилось гораздо лучше. Может, мне просто нужно было больше времени? Пытаюсь занять себя хоть чем-то, я жадно потянулся к луже с осколками. Жажда была невыносимой. Натужно оперевшись на засадившие локти, я конвульсивно наклонил голову к опасно поблескивавшей стеклянными остовами влаге. При этом я постарался не вглядываться в свое размытое отражение, мгновенно породившее в глазах черные вспышки мигрени.

«Главное, осколок не втянуть, – запоздало предостерег я себя, осторожно принимая ртом прохладный напиток. – Вкус... У этого же есть какой-то вкус? Почему я его не чувствую? Как странно...»

Тем не менее прием жидкости немного улучшил мое самочувствие, и я благодарно посмотрел на лужицу с расплывавшимися в ней мутными разводами, оставшимися после моих обезвоженных губ. Губ... Приложив несколько свинцовых усилий, я наконец сумел вытереть их, обнаружив на них, помимо оставшегося сока, свою кровь.

«Порезался всё-таки, – устало и безразлично подумал я. – Нет, сок с кровью просто невозможно спутать: кровь ярче и плотнее. Почему же я тогда ошибся? Похоже, это из-за моего какого-то недомогания... Недомогание... Я что, болен?..»

Не понимая, что со мной, я прислушался к своим внутренним ощущениям, но ничего, кроме подавляющей слабости, вялости мышления и провалов в памяти, не обнаружил. Было еще, правда, чувство того, что мое тело почему-то полностью измождено. Но даже при таком состоянии оно сладко потягивалось с каждым новым своим движением.

Немного отдохнув, я вернулся к изнуряющему чтению.

«22 ноября 2020 года.

Воскресенье.

Почти всё готово. Этот беспрецедентный опыт станет вершиной гения человеческой мысли в области физики, математики и инженерии.

Даже невзирая на то, что оценить это будет уже никому!

Вы в свое время не давали нам, мне, прохода, завывая в один голос об отсутствии полного контроля проводимых экспериментов и, как следствие этого, о развитии цепной реакции, способной уничтожить целую планету. Что ж, вы все были правы. Почти. И только в одном: в том, что называли БАК – ПАКом. Даже Лив, упертая догматичная реалистка, приняла это прозвище, произнося его не иначе как с фанатичным и безумным блеском в своих зеленых глазах.

А в целом "Последний адронный коллайдер" звучит неплохо, особенно если учесть, что через какое-то время это станет абсолютной правдой. Ха. Даже междисциплинарная комиссия, собранная из жалкой кучки безыдейных зануд, ничего не нашла в протоколах безопасности работы с БАКом. Она и не смогла бы: БАК идеален с точки зрения безопасности.

И только наш БАК, собранный нами здесь, способен воплотить все ваши кошмары в явь!

Одними из самых любимых для меня, безусловно, являются беспочвенные бредовые мысли о возможном создании машины времени, способной привести к концу времени или, как любят выражаться газетчики, "к концу времен" – посредством создания пространственно-временных "кротовых нор".

Вздор!

Или это – превращение Земли в "железную планету" или поток таких же астероидов и метеоритов под воздействием неконтролируемого образования в БАКе кварк-глюонной плазмы, трансформирующей всю материю в элементы триады железа.

Ну что за несусветная чушь! Им бы всем в бумагомараки пойти!

Все будет гораздо прозаичнее, мои недалёковидные коллеги. Гораздо. Уж поверьте».

Дальше текст, к сожалению, обрывался. Я перевернул дрожащей рукой измятый листик и обнаружил, что с другой стороны он был чист. Я удрученно повертел головой в поисках

продолжения и увидел недалеко от распахнутого шкафа ворох одежды, внешне похожей на мою.

Я кое-как поднялся с пола и, горя желанием как можно быстрее переодеться, замедленно побрел в сторону шкафа. Ключок чьих-то записей я по-прежнему держал в слабой руке. Судя по содержанию, писал какой-то ученый, и он, похоже, собирался провести какой-то запрещенный эксперимент или опыт. Однако всякие – я поднял текст к глазам – «БАКи» и прочие «кварк-глюонные» были всё еще недосыгаемы для моего, как оказалось, скудного словаря.

«Это же о Большом адронном коллайдере идет речь!» – внезапно сообразил я.

Больше информации, кроме той, что в свое время это устройство сильно беспокоило людей, выудить из полупустых полок памяти мне, увы, не удалось.

«А если написавший это реализовал свою угрозу? – предположил я, осторожно трогая ворох одежды, до которого нескончаемо долго добирался. – Но ведь всё же на месте. – Я поднял первые попавшиеся штаны, похожие на те, что были на мне, и удовлетворенно выдохнул: – Сухие».

За одеждой я заметил мелкие осколки зеркала, некогда встроенного в открытую дверцу опустошенного шкафа; об этом свидетельствовала вделанная в дверцу прямоугольная рама с серебристыми крошками в ее нижних углах. Рассмотреть себя в этих жалких остатках зеркала не было никакой возможности – но и возвращаться к расплывавшемуся и вызывавшему тошноту отражению мне тоже не хотелось. В итоге я ничего о себе не узнал, кроме наличия у меня бледной кожи и серых глаз.

Прекратив всматриваться в один из осколков, я обнаружил на полу клочки цветной фотографии и засохшие темно-бордовые пятна, в которых я на этот раз точно опознал кровь. Фотография, как ни странно, была грубо изорвана и пожевана. Я аккуратно развернул клочки снимка и безуспешно попытался сложить их вместе. На фотографии, предположительно, были запечатлены трое людей. В нижнем уголке снимка была дата: «2009 год». Большого мне, к сожалению, узнать не удалось.

«А какой сейчас год? – задумался я, отрешенно смотря на кусочки фотографии. – Судя по дате чьего-то дневника, не менее две тысячи двадцатого. Только это ничего не доказывает: я могу находиться далеко впереди во времени от момента создания этой записи, – взглянул я на обрывок бумаги в руке. – Да и дата фотографии мне ни о чём не говорит».

Подтверждать по запаху природу темных пятен я не стал. Видимо, кто-то поранился, когда бил зеркало. Занятно, и зачем это могло кому-то понадобиться?

Я медленно и с удовольствием распрямился – тело подчинялось мне всё лучше. Я стянул с себя промокшие штаны, насухо вытерся еще одними и с облегчением надел сухие. Наконец-то! Больше не будет этого пронизывающего холода.

Закончив с переодеванием, я повернулся в сторону лоджии. С нее я надеялся получить хоть какое-нибудь представление о месте, куда я попал, и, если повезет, почерпнуть любую информацию относительно времени года; хотя последнее особо важным мне не казалось.

«Но почему же ничего не слышно, кроме гула ветра и прибоя? – подумал я, плетясь к светившемуся выходу на лоджию. – Что-то же естественное должно дополнять этот фон? Особенно если там действительно море».

На секунду ослепнув от бывшего в глаза Солнца и оглохнув от хриплого дыхания бриза, поприветствовавшего меня словно равного, я ступил на холодную поверхность каменного балкона.

«Море... Всё-таки это море... Волны...» – слабо улыбнулся я.

Простиравшаяся далеко внизу бликующая гладь тянулась до самого горизонта, дерзко споря с Солнцем яркостью и блеском. Голубое бездонное небо, ошеломительно уходящее ввысь, умиротворенно дремало над бежавшими лазурными барханчиками. В звенящей хрустальной вышине выл и бесновался ветер.

От глубины бесконечного, кристально-чистого простора у меня странно защемило сердце, и прохладные струи нежным шарфом успокаивающе обняли меня. И я стоял, покорно принимая заботу и ласку стихии и неумело пытаюсь унять грудь, бурно вздымавшуюся в такт рокочущим волнам. В тот же миг моя одежда ласково отворилась дышащим небесам, полностью отдавая меня в их безграничные объятия.

Хотелось раскинуть руки и упасть в эту солнечную перину, прячась от всех вопросов. Так, наверное, можно было стоять вечно – ни о чём не думая и ни о чём не заботясь, словно всего остального не существовало.

Позволяя Солнцу нежно расцеловывать меня, я закрыл глаза, впитывая аромат непознанной свободы – соленые волны, тепло губ нагретого берега и странное ощущение истинности всего этого...

«Я... помню... это...» – вдруг понял я, с сожалением выныривая из этого невинного и девственного потока эмоций.

Я оперся на ноздреватую поверхность светло-серых перил и наклонился вниз. Лоджия находилась высоко над уровнем сверкавшей миллионами солнечных огней акватории. Продолжая наслаждаться окрыляющей сердечностью Солнца и ставшим беззаботным бормотанием ветра, я попытался осмотреться по сторонам.

По бокам от пролива, на отражавших благодать этого места утесах, на которые лениво пыталось напрыгнуть лучистое море, я увидел прошлепины чего-то бурого и пожухлого.

«Осень? Весна? Отсюда не понять, особенно если учесть, что такой трава может быть в любое из этих времен года, – разочарованно подумал я, напрасно пытаюсь взглянуть в прошлепины. – Надеюсь, это всё-таки трава...»

Неожиданно я обратил внимание на сиротливый клочок бумаги, заботливо прижимаемый ветром к маленьким колоннам перил. Осторожно его подняв, я обнаружил, что найденные мной кусочки образовывали целый лист, некогда разорванный на две неравные половинки. Повинуясь необъяснимому внутреннему порыву, я углубился в истошающее чтение отсутствовавшей части.

«Иногда меня терзает мысль: вправде ли мы с Лив так поступать? Но потом всё это уходит под давлением боли и воспоминаний. И, хоть я запретил себе думать об этом, я всё же не могу... не могу не вспоминать, не могу не пытаться охватить всё то, что на нас свалилось; всё то, что заставляет нас идти на преступление против человечности и морали.

Лив говорит, что это – любовь, но я говорю, что это – вина.

Что выберет человек? Что выберет каждый, оказавшись в нашей ситуации? Я считаю, что и целого мира недостаточно для искупления таких страданий. Подобное может коснуться любого...

Но что, если такое коснется ребенка? Что, если этот ребенок будет навек запечатан и скован? Что, если он даже не сможет почувствовать, что рядом с ним кто-то есть и этот кто-то его поддерживают? В таком случае такой мир просто недостоин существования – мир, где нет милосердия и справедливости.

И ведь дело не только в этом... Пусть лучие всё уйдет, сгинет, провалится в Ад! Но только... ты только...

Надо отвлечься, иначе это разорвет меня на части... И как только Лив с этим справляется?

Она, кстати, уже заканчивает предварительную калибровку. По моим подсчетам, через несколько месяцев – возможно, уже к началу 2021 – всё будет готово. Это место идеально подходит для нас и нашей цели.

И теперь единственное, о чём я прошу: чтобы у меня хватило сил и смелости завершить начатое...»

Немного постояв, осмысливая прочитанное, я аккуратно сложил части бумаги в целый лист и прочитал его еще раз. При повторном прочтении я заметил на втором обрывке записи следы от капель, слегка размывших текст. Сравнив их со следами, оставшимися на первом обрывке после чых-то пенных слюней, я пришел к выводу, что консистенция этих жидкостей была разной.

«Вода? Слезы? Что это? – невольно заинтересовался я, проникаясь настроением второй части записи. – И где тот, кто написал это? Кто принес напиток? Кто оставил меня здесь? Кто завязал бантик на поясном шнурке штанов?..»

Я попытался крикнуть – и не смог. Что-то внутри меня упорно не желало нарушать покой и целостность этого места.

«Кто это сделал?! Хоть кто-нибудь есть тут?! – безмолвно вскинул я руки, чувствуя, как в глазах собирается влага, а чувство сосущей пустоты и тоски в груди вытесняет остатки ново-рожденной светлой печали. – Где все?! Что оставило те следы?!»

Солнечный мир преданно и покорно внимал моему бессловесному крику.

Я посмотрел в комнату и, переждав желто-зеленую слепоту, вызванную более приглушенными тонами, увидел, что отпечатки чых-то лап уже почти высохли. Значит, в комнате что-то действительно было прямо перед моим пробуждением...

Оторвавшись от трудоемкого изучения убранства комнаты извне, я, болезненно морщась, попытался охватить взором всё здание целиком. Им оказалось огромное темно-коричневое строение, казавшееся почти желтым из-за упиравшихся в него лучей Солнца; разогретое тело строения щедро украшали зевы бойниц и витки башен. Всё это покоилось на поднимавшемся из пенного моря скальном выступе. Высота была внушительной. Неторопливые барашки волн, что медленно огибали темные от влаги обломки скалы, были едва видны. Я дернулся от возникшего головокружения.

«Надо попытаться пойти по следам», – наконец сообразил я.

Вернувшись в комнату, я понял, что данное стремление было напрасно в своей недалекой наивности: отпечатки лап окончательно высохли, оставив после себя лишь едва заметные розоватые пятна.

«Это ничего не значит, отсюда все равно только один выход», – трезво рассудил я, размеренно направляясь в сторону лежака, с которого совсем недавно поднялся.

Подойдя к лежаку, я внимательно перечитал запись еще раз, после чего бережно и трепетно положил ее под подушку. Я должен найти ответы... Осторожно ступая босыми ступнями между осколками и разбросанными вещами, я двинулся в сторону сыро поблескивавшего прохода.

Спуск вниз был достаточно темным, чтобы вынудить меня упереться бледными руками в его скользкие стены. Еще он был достаточно пугающим, чтобы добавить к уже имевшемуся дискомфорту свежее чувство, обдающее горячей испариной, – боязнь темноты.

«В ней же никогда ничего не было, – озадачился я, замирая в последних отголосках света. – Просто люди сами себе суеверно придумывают страхи, которые бы лукаво покоились в этом черном кружевном подоле... Суеверие... Это вера в приметы? Это основа страха темноты? Действительно ли *ее* я страшусь?»

Начав робкое движение вниз, я удивленно понял, что боялся не саму темноту и не ее мрачного содержимого. К моему недоумению, истоком моего страха оказались гладкие и пока-тые ступени, стоптанные до состояния ребристой горки, спуск по которой внушал лишь одну мысль: «Не упасть и не покатиться невесть куда».

«Любопытно, я действительно так много понимаю или это просто кем-то или чем-то вкладывается в меня? Столько вопросов... – сокрушенно качнул я головой. – Но в чём же заключается этот самый страх темноты?»

В моих размышлениях возникла пауза, и она едва не ввергла меня в состояние стягивающего смятения. Наконец я сообразил, что страх темноты заключается в том, что я чего-то *не вижу*... придумывая себе различные неестественные и нереальные вариации этого самого чего-то. Внезапно мне показалось, что темный проход, по которому я спускался, просто проглотил меня. Я ощутил себя ослепленной тьмой жертвой, что сейчас медленно перемещалась по пищеводу некой коварной и дремучей утробы.

Гнетущие витки паники тут же попытались свить вокруг меня липкое и удушающее гнездо.

«А ведь море было немного сферическим, – неожиданно спохватился я. – Но что это доказывает? Что я на Земле?.. Что я на родном берегу человечества?.. – Я испуганно замер: – А вдруг уже нет? Вдруг это совершенно иной мир, чуждая мне планета, в то время как на той, о которой я так странно помню, уже всё давным-давно закончилось, как и было указано в разорванной записи?..»

Возникшее замешательство принялось неторопливо разбухать во мне.

«Нет! Такого просто не может быть! Это... это... Такого же не может быть?..» – глупо спросил я себя, продолжив движение во мраке.

Тоска, появившаяся на лоджии, усилилась, став похожей на ненасытную дыру, которой я не знал, что бросить или скормить, чтобы она успокоилась.

«Но исследования или путешествия такого рода еще не должны быть доступны людям! – заупрямился я, удрученно пытаюсь хоть что-либо об этом вспомнить. – Неужели я просто убеждаю себя в этом?..»

Это продолжало терзать меня ледяными клыками сомнений, пока я неуклюже спускался вниз.

Вдруг поверхность спуска под моей правой пяткой изменилась и таковой под ней и осталась.

«Прилипло что-то, – подумал я, опасно балансируя на одной ноге. – Какая холодная, – ужаснулся я, случайно коснувшись рукой собственной ступни. – Что это?»

Прислонившись спиной к стене, я на ощупь изучил свою находку. Ею оказался лист бумаги – целый.

«Такое бывает? Или это элементарное везение? – удивился я. – Похоже, это еще одна запись».

Оставалось лишь выйти на свет и уже при нём рассмотреть то, что я нашел. Вот только возвращаться обратно мне не хотелось: подъем дался бы мне намного тяжелее, нежели скомканный спуск. Так что я продолжил осторожно перебирать ногами стертые ступени, а руками – измерять расстояние между стенами. Через какое-то время я заметил впереди желтые лучи искусственного света, лившиеся из углового коридорчика, к которому привел спуск в темноте.

«Электрический свет!» – обрадовался я, предвкушая встречу с теми, кто мог его зажечь.

Однако тут мой энтузиазм несколько поутих, просев под пониманием того, что наличие света могло быть следствием работы какой-нибудь автоматической системы. Я тихо постоял в каменном рукаве, привыкая к освещению и осторожно вслушиваясь в доносившиеся звуки ветра и моря, к которым примешивалось некое непонятное бурление. Бережно сжав свою находку, я вышел.

Комната была небольшой. В четырех ее углах находились источники того самого странного побулькивания – огромные трубы, проходившие сквозь пол и потолок. На каждой трубе было по немалому прозрачному иллюминатору, за каждым из которых бежала не менее прозрачная зеленая жидкость. Наполнявшие ее потоки пузырьки одинаково торопливо струились куда-то вниз.

Люминесцентное свечение от неизвестного раствора заливало ряды задумчиво стоявших шкафов и пустых полок, пересекаясь лишь с двумя источниками света – старой потолочной

лампой, висевшей над зеленым прямоугольным столом, и разбросанными по каменному полу корпускулами, струившимися из еще одного прохода в комнате.

«Надо же! Слова становятся всё более изящными! – воодушевился я, невольно загордившись словом "люминесцентное" и озадачившись смыслом слова "корпускулы". – Корпускулы – они же фотоны?.. Это что еще такое?.. Я что, физик? – Я на секунду задумался. – Нет, это базовое знание, которое получают в школе. А вдруг я в нее до сих пор хожу? – обеспокоился я, пожалев, что не рассмотрел в том осколке зеркала хотя бы свой цвет волос. – Сколько же мне лет?»

Я недоверчиво перевел взгляд на свои руки и с сожалением понял, что они могли принадлежать как взрослой человеческой особи, так и ее подростку-акселерату. Ничего не добившись этим действием, я несмело подошел к одной из труб.

«А могу ли я быть тем самым ученым, оставившим ту запись? – ошарашенно предположил я. – Да, вполне. Могу быть и кем угодно, и чем угодно... Но я ведь даже не знаю, что такое корпускулярно-волновой дуализм! – с сомнением подумал я, вспомнив нечто, связанное с фотонами и корпускулами. – Или же я этого просто не помню...»

Во мне словно не хватало шестеренки, которая бы запустила механизм ответов. Да уж, копаться в такой памяти было сродни уборке заплесневелого шкафа, стыдливо прикрывавшего пустые места на полках вот такими затейливыми этикетками. Хотя, если честно, наличие именно этих знаний не казалось мне жизненно необходимым.

Повинуясь жгучему желанию рассмотреть, как или куда бежала светившаяся жидкость в трубе, я поискал взглядом выключатель лампы: я хотел выключить свет, чтобы мое вертикально растянутое отражение на иллюминаторе не мешало мне. Тут я недоуменно почувствовал, что упускал из виду что-то важное – то, о чём я совсем недавно думал.

Не найдя выключатель, я взгляделся через иллюминатор в стремительно бежавший вниз изумрудный поток, вихрившийся струйками зеркальных пузырьков, и предположил, что перемещаемая за гипотетически толстым стеклом субстанция была менее плотной, нежели обычная вода. Вывод был интересен – но было любопытно и то, каким именно образом я пришел к нему.

«Может, потому, что я не увидел там маслянистых завихрений? – пожал я плечами, отвечая на свой незаданный вопрос. – С чего я, кстати, вообще взял, что это правильно и этот признак действительно дает общее представление о плотности?»

Я осторожно постучал по одутловатому иллюминатору. Бульканье тотчас усилилось, словно я случайно сдвинул ютившийся в чреве трубы воздушный мешок, что сейчас же сорвался и понесся в глубь малахитовых недр. На мгновение мне показалось, что я стоял перед зеленым аквариумом, нелепо разыскивая в нём отголоски того, кто я есть.

«А если зеленая не жидкость, а позволяющее за ней наблюдать стекло? – задумался я, чувствуя, что был близок к какой-то невзначай утраченной мысли. – Стекло... Отражение! Точно! Здесь же есть мое отражение!»

Начав жадно себя разглядывать, я удрученно понял, что это было абсолютно бесполезно: всё было растянуто и размыто. Так странно... Неожиданно для себя самого я прислонился к трубе, слушая ее теплое и дремотное урчание.

«Похоже, в этом месте работает какая-то циркулирующая система. Возможно, даже рециркулирующая... О чём я вообще думаю?» – досадливо удивился я, невольно пополнив закрома своей памяти еще одними бессмысленными этикетками.

Утомившись в который раз от собственных спонтанных размышлений, я подошел к столу и уселся за него, по-домашнему скрипнув обычным деревянным стулом со спинкой. Мои босые ноги ступили на приятно согревавший бордовый коврик, явно обозначающий центр комнаты. Выключателя по-прежнему нигде не было видно, а что-либо делать иное с освещением, вроде выкручивания лампочки, мне казалось излишним.

«А вдруг выключатель такой, каким я его и не знаю?» – допустил я.

Приняв эту мысль, я мгновенно успокоился, погружаясь в чтение найденной записи. Лист бумаги, который для этого использовался, был на этот раз белым. При этом расположенный на нём с двух сторон текст был каллиграфически опрятен, содержа в себе достаточное количество элегантных витков и иных стилистических реверансов. Визуально всё было безупречно, не считая знакомых дырявых следов и небольшой надорванности с левого края бумаги.

«...меня ждет еще одна бессонная ночь с кошмарами – кошмарами, потому что в них всё зачастую бывает хорошо и спокойно, как и раньше. Но это длится ровно до бессердечного момента пробуждения, когда правда вновь заявляет свои права на существование и вновь начинает беспощадно выкручивать мне руки – до слез. Это похоже на изоциренную бесконечную пытку, к которой я невольно привыкла... и без которой я уже не могу...»

Я не могу спать, я боюсь этого еженощного обмана... И я не представляю, что видел ты и каково было тебе...

13 марта 2020 года. Пятница.

Я отсутствовала почти год, выискивая эти безлюдные места, подкупая и угрожая всему и вся, что вставало у меня на пути. Благодарю Всевышнего, что мне не пришлось никого убивать, но клянусь Им же – я уже готова была это сделать!

Да из-за чего я вообще беспокоюсь? Я готова положить весь мир на алтарь своей любви – и переживаю об убийстве единиц? Как глупо... Кенис, наверное, был прав, когда отринул все молитвы, превознося над собой и остальным науку как единственный выход из сложившейся ситуации.

Но что, если всё это произошло и происходит не случайно? Что, если у всего этого есть своя строго определенная цель? Что, если это – чья-то цель, о которой мы не знаем или о которой нам не дано знать?..

Я должна была бы ненавидеть всё это, но всё, что во мне есть, так это сострадание. И я не жажду как Кенис стереть старое и создать новое, хотя его идея наказания мне очень близка... Но мы с ним оба знаем, что дело не в том, как всё это работает или существует вокруг нас. Дело в том, что, когда это произошло, когда окружающий нас мир дал трещину, мы не смирились, мы не приняли то, что растоптало нас. Мы решили пойти дальше. И мы пойдем дальше. Мы пойдем до конца.

Бог нас не оставит!..

Мой милый Кенис, как же ты исхудал и осунулся с момента нашей последней встречи. Я почти не узнала тебя. Куда делся этот старый сумасбродный педант, протирающий каждый раз мышью салфеткой перед работой на компьютере и начинающий любую запись с нового листа, "оставляя мыслям пространство подышать"?

И даже мои скабрзные шутки, что тебе так нравились, об истинной природе салфеток, расположенных вокруг твоего рабочего места, большие не лезут в мою усталую голову. Год вдали друг от друга дался нам нелегко. Но у тебя, по крайней мере, был Иро.

Да и ему сейчас несладко. Он меня пугает: он постоянно сидит рядом с ним; он его всегда находит, где бы он ни был. Он не ест и не пьет, словно ждет, когда это начнем делать мы. За этот год многое изменилось, но больше всего изменились мы сами.

Случившееся изменило бы любого...

Сейчас от последней грани безумия нас вместе и каждого по отдельности держит только любовь...

Всевышний поможет нам.

14 марта 2020 года. Суббота.

Я не могу без твоих шуток. Вчера был твой любимый день – день, когда и я, и Кенис, и даже Иро боялись попасться на один из твоих розыгрышей...

И я так боюсь разговаривать с тобой, обращаться к тебе напрямую. Я боюсь, что я сойду с ума и что Кенис один со всем просто не справится. Но я всегда думаю о тебе – каждый час, каждый миг, поверь...

А с тобой, Кенис, мы уже сколько времени не были близки – ни как муж с женой, ни как два сердечных человека. Просто двое стареющих безумцев... Да это и не нужно, всё стало каким-то...»

Текст был странным. Я вежливо положил запись на зеленый бархат стола, испытывая к чужим воспоминаниям необъяснимое уважение, подкрепленное, видимо, отсутствием своих собственных.

Если эта личность описывает Кениса как человека, начинающего излагать свои мысли каждый раз с нового листа, то первая найденная запись, скорее всего, была именно его, поскольку она начиналась с самого начала и на своем обороте ничего не имела. И если, в свою очередь, отталкиваться уже от записи Кениса, где он указывал, что некая Лив объясняет что-то действия любовью, то прилипшая к ноге запись является, видимо, частью уже ее дневника.

Значит, желтый лист – это лист Кениса, белый лист – это лист Лив. Муж и жена... Интересное совпадение. Каковы были шансы, что мне нашлись бы записи именно двух супругов? Моя голова опять противно зазвенела, и я для себя быстро решил, что шансы для такой случайности были ничтожно малы.

Единственное, что я не совсем понимал, так это почему Лив была реалисткой, как ее назвал Кенис, если она упоминала Бога? Существовал ли вообще Бог для реалистов? Всё-таки трезвое оценивание себя, своих действий и окружающего мира, на мой взгляд, как-то плохо согласовывалось с верой.

«Да о чём я? Сам-то я во что верю?.. – поморщился я. – Трудный вопрос, особенно если учесть, что я ответов и на более простые не знаю».

Вернувшись к анализу изложенного в найденных листах, я пришел к выводу, что даже если эти двое и писали друг о друге, то они друг друга, возможно, совсем и не знали. Или же они действительно настолько изменились, что сами этого не заметили и не почувствовали, продолжая обитать во власти чего-то бывшего.

Было и еще кое-что, что меня заинтересовало: я никак не мог сообразить, кто к кому обращался. Когда они говорили о себе или друг другу, это было понятно. Когда Лив говорила об Иро, с этим тоже вроде было всё ясно. Но вот когда эти двое время от времени обращались к кому-то четвертому, чье имя не упоминалось...

«Их знакомый? Друг? Коллега-ученый? – Я осторожно принялся вертеть лист в своих бледных руках. – Да и один ли это человек или их было несколько? И почему я решил, что они ученые? А... а вот это косвенно следует из этих отрывков, – убежденно сказал я себе. – Жаль, по этим двум записям полную картину не составить... А может, ее не составить потому, что я не могу адекватно оценивать происходящее?.. Как бы то ни было, эта пара явно была под гнетом какого-то тяжелого переживания. Впрочем, это не мешало им рассуждать о своих усилиях, направленных на... на...»

Тут я немного растерялся, не зная, как именно назвать или охарактеризовать то, чего добивались Кенис и Лив. Похоже, они пытались покончить со всем раз и навсегда. Думать об этом мне не хотелось: я хотел, чтобы мир во всех своих проявлениях – существовал.

«Но кто же они такие? Безрассудные ученые? Опасные безумцы? Или же это просто одержимые и мстью, и любовью несчастные люди? – нахмурился я. – А если... а если они и то, и другое?..»

От последней мысли мне стало совсем не по себе. Кем бы они ни были, они определенно были готовы на всё. И, если я правильно понимал их запечатленные на бумаге послы, они явно при этом сильно и непрерывно страдали.

Не имея более других мыслей и занятий, я решительно встал, насколько мне позволяла моя слабость. Бережно положив запись Лив на стол, я нежно погладил эти чужие и одновременно далекие воспоминания. Затем, тихо шаркая, я направился к выходу из комнаты.

Новые повороты меня почему-то очень беспокоили, словно за углом меня могло ожидать нечто столь ужасное, что и вообразить было невозможно. С этим предубеждением я аккуратно – только бы не упасть! – выглянул в новый коридор. Его правая часть обрывалась влажной кладкой, тогда как его левая представляла собой небольшой арочный туннель из массивных булыжников, в конце которого яростно сияло огненное око Солнца, безжалостно рассекавшее тени.

Увидев меня, Солнце, к моему изумлению, умерило свой пыл и тактично отплыло в сторону, оставив после себя залитый небесными лучами ход.

«Мне... мне это не показалось?.. – растерянно сощурился я. – Показалось... Словно крыса в лабиринте – должен идти по единственно доступным проходам! И еще неизвестно, что меня ожидает: лакомый сыр, конец пути или коварная ловушка».

Внезапно обильное и вязкое слюноотделение цепко вцепилось в слабое место моих рассуждений – сыр. Я хотел есть. И пить. Опять. Того напитка было явно недостаточно, особенно если учесть, что я и втянуть-то смог его совсем немного. Но сыр... продукт молочнокислого брожения – такой мягкий, упругий, скрипящий и оставляющий после себя слегка масляные губы. Его разнообразные виды – соленые и рассыпчатые, сладкие и нежные, пряные и пластичные – я тоже помнил.

Как же я хотел есть! Было ощущение, что внутри меня, где-то в области солнечного сплетения, настойчиво скребли вакуумной ложкой, чьи раздражающие прикосновения создавали маленький комок голода, всасывавший мою плоть. И даже вмешательство нового слова «вакуум» не смогло отвлечь меня от этого.

Тщась выкинуть из головы провоцировавшие слюноотделение мысли, я двинулся к манившему сиянию Солнца. По дороге я заметил, что стены коридора имели полости – проходы в иные помещения.

«И сколько вас тут? – устало заморгал я. – Один, два, три, четыре... Пять? Или четыре? – Я с усилием потер глаза, пытаюсь избавиться от зеленоватого пятна, оставшегося на сетчатке после слепящего света. – Ладно, примем за основу четыре-пять. А интересно, если числа бесконечны, действительно ли они бесконечны между собой? – вдруг задумался я, наткнувшись в себе на нечто любопытное. – Главное, не возвращаться к сыру...»

Этим самым любопытным оказалась одна загадка.

«Согласно ее условиям, заяц... млекопитающее... Значит, питает молоком... Молоко... – Я тяжело сглотнул. – При таком дефиците внимания я ничего не добыю. Надо как-то держать разум в узде. Но как можно удержать в узде то, что напоминает своевольную кляксу, в чьем гардеробе бессчетные миллиарды форм и обличий?!»

Решив заглянуть в ближайший ко мне ход, я снова попытался воспроизвести про себя задачу. В этом мире пустоты и Солнца у меня всё равно ничего не было, кроме собственных шумящих мыслей.

«Заяц... – сосредоточенно начал я. – Да нет же, там был не заяц! Кто же тогда?..»

Эфемерная медуза моих рассуждений вновь разом растеклась во все стороны, предлагая расслабиться и пустить мысли на самотек – хотя бы о том же самом желтовато-ноздреватом лакомстве...

«Нет! – твердо сказал я себе, пытаюсь совладать с разноцветными картинками в голове. – Заяц и черепаха поспорили, кто быстрее...»

Заяц был наглым и самоуверенным, но черепаха была мудра и опытна. И вот надумала она как-то проучить зайца, доказав тому, что тот не так скор и быстр, как думает. Решили

они бежать наперегонки, но только с одним условием: заяц должен был находиться позади черепахи на расстоянии в тысячу шагов. И заяц, конечно, согласился, не чувствуя подвоха и не имея сомнений в своей победе.

Несмотря на такую разницу, состязание черепаха и заяц начали одновременно.

И за то время, что заяц пробежал разделявшее их расстояние, черепаха в ту же сторону проползла всего сто шагов. Соответственно, когда заяц преодолел и эти сто шагов, черепаха была впереди лишь на десять. Десять на один. Один на одну десятую. Одна десятая на одну сотую. Сотая на тысячную – и так далее. Таким образом, процесс будет продолжаться до бесконечности, и заяц никогда не догонит коварную черепаху¹.

Однако это хорошо и верно лишь на бумаге, когда заяц вынужден без конца преследовать свою недостижимую цель, которая будет от него всё так же нескончаемо далека. Возможно, и ответ на это был уже когда-то найден, в котором в качестве возможного объяснения была указана ложность представления о бесконечной делимости расстояния и времени.

«Это и есть ответ?! – искренне удивился я. – Но он явно не мой, равно как и сама загадка! Не думаю, что я на такое способен. Хотя мне-то откуда знать, на что я способен?..»

Я лишь мог предположить, что действительность с удовольствием опровергнет это, и заяц, так или иначе, настигнет черепаху, пробежав в глазах стороннего наблюдателя вечность подсчетов за одно мгновение. Вот и отличие между бумагой и практикой. Вот и бесконечность чисел, что неожиданно оборвалась.

«...предполагая конечность множества простых чисел, прибавляем к их произведению единицу – и получаем новое простое число...² Это еще что такое? – задумался я над странным и одновременно чужим умозаключением. – Похоже на еще одно знание без смысла и цели, подходящее разве что только для этой головоломки».

Сокрушенно качнув головой, я отправил еще одну пустую этикетку на задворки своего сознания. Вместе с тем я знал, что только что обдуманная задача являлась не парадоксом, а чем-то логически верным – тем, чего просто не могло быть в реальности.

«Но числа, значит, всё-таки бесконечны, – удовлетворенно подытожил я. – Что ж, как бы то ни было, этот результат был определенно получен не из этой загадки. А еще надо бы найти что-нибудь на ноги, – рассеянно заметил я, поворачивая в искомый проем. – Этот пол из булыжников просто ледяной».

Перед моими глазами предстал объемный продольный зал, в середине которого располагался накрытый обеденный стол с бордовой скатертью, неопрятно вздернутой с края. Из-под скатерти была видна витиеватая серебряная чеканка, украшавшая черные ножки стола.

«Персон на четырнадцать-шестнадцать, – предположил я, непроизвольно упиваясь чеканными узорами. – Но что за странное расположение комнат – из тьмы на обед? И что это за странный звук?»

По залу мерными зернышками разносилось удивительное и ритмичное колебание – оно стелилось по нежно-изумрудному ковру под столом, скатывалось с солнечных занавесок, паривших белоснежными медузами, отражалось в осколках зеркала и хрустале люстры, грелось в невесомой золе камина.

Я собрался с мыслями и еще раз окинул взглядом место, куда я попал. По центру – сервированный медными приборами и тарелками стол; даже странно, что ничего из этого не покоилось на полу. Слева – оконные проемы с вздыхавшими занавесками, прятавшими за собой сверкающие выходы на балкончики. Справа – утонченный камин с висевшей над ним картиной. И наконец, на противоположной красно-коричневой стене – пустой каркас зеркала, чьи мерцающие осколки озорно держал стоявший под ним подкопченного цвета комод.

¹ Одна из апорий Зенона, где изначально место зайца занимает Ахиллес.

² Доказательство бесконечности множества простых чисел, изложенное Евклидом в «Началах».

«Еще один шаг, еще одна загадка. – Я перевел взгляд с находившегося за камином выхода на горевшие солнечной благодатью овалы оконных проемов. – Но почему же нигде нет ни окон, ни дверей? Неужели это место сознательно открыто для ветра и Солнца, словно хозяйничают здесь именно они, а люди волею их милости лишь просто прислуга? А вдруг это нормально? Вдруг так и должно быть? Почему я вообще решил, что тут что-то не то? – возразил я себе, хотя разрозненные обрывки воспоминаний подсказывали, что должно было быть всё-таки иначе. – Куда же теперь дальше: сквозь обеденную залу или обратно в коридор с ходами?»

Неожиданно я опознал сливавшийся с естественным фоном зернистый звук и увидел его источник – часы, располагавшиеся на черном камине в компании аляповатых подсвечников. Желая узнать время, я направился в сторону часов. Внезапно мои слезившиеся глаза заметили еще один желтый лист, одиноко трепетавший на краю стола под тарелкой. Я тут же удивленно замер, остановленный мыслью о том, что кто-то умышленно оставлял для меня эти записи.

«Но кто? И мне ли?» – воровато огляделся я.

Однако вокруг, как и прежде, была всё та же игровая площадка томно-тягучего Солнца и отрезвляющего ветра. Немного поразмышляв о том, что важнее – часы или запись, я принял нелогичное решение выбрать часы. Бумага подождет, а вот время...

Идя к камину, я по пути коснулся развевавшейся скатерти, рассчитывая насладиться ее шероховатостью. В ту же секунду, едва успев дотронуться до бордовой материи, я испуганно вздрогнул, пораженный висевшей над камином картиной.

На картине был изображен сцепивший руки печальный юноша с длинными волосами и оголенным торсом; из одежды на нём были лишь одни синие штаны. Юноша сидел рядом с чем-то напоминавшим фарфоровые цветы и скорбно смотрел вдаль³. На его задумчивом лице горькой печатью бремени лежали страдания, власть и величие.

«Кто ты?» – непроизвольно дернул я рукой, заменяя отсутствие речи жестом.

Я вдруг понял, что искренне и по-настоящему сопереживал юноше. Это его видимое величие духа, борьбы и тоски... Даже рама, казалось, стесняла его.

«Ты мог бы быть мне братом, – подумал я, переполняясь теплой грустью. Заметив рядом с юношей нарисованные лучи Солнца, я чистосердечно ему пожелал: – Пусть оно тебя греет».

Я подошел к часам, напоминавшим три слепленные вместе ассиметричные вершины, и с интересом взглянул на них. Темно-красные, с беспросветными мелкими полосками, громкие и беспощадные, они стояли на черно-маслянистой поверхности камина, безжалостно и механически раскидывая по сторонам истончавшиеся секунды. К своему недоумению, я стал завороженно следить за мерно чертившей золотистый циферблат секундной стрелкой.

«Что... что я хочу увидеть?..» – беспомощно поморщился я.

Я перевел взгляд на чернильную поверхность камина и наконец понял, что именно меня смутило: повсеместное отсутствие пыли. Пошатнувшись от легкого головокружения, я взгляделся в искрящийся хрусталь люстры, чья застывшая капель в своей чистоте могла поспорить со слезой.

«Пыли нет... Это место явно не обделено чьим-то вниманием», – констатировал я, взволнованно чувствуя, что рядом со мной мог кто-то быть.

Я открыл рот, чтобы попытаться позвать кого-нибудь, но сразу же закрыл его, боясь, что отсутствие голоса меня окончательно подавит. Я зажал руками рот и торопливо осмотрелся.

«Надо... надо по-другому... Надо погреть, создать звук! Надо показать, что тут кто-то есть – что тут есть я! – Я бездумно схватил часы, намереваясь как следует бросить их об пол. – А вдруг я привлеку внимание обладателя тех странных следов?.. Какой-то замкнутый круг...»

Так я простоял несколько томительных мгновений: бурно дыша – с занесенным над головой счетчиком времени. Часы были увесистые, и я неуклюже поставил их обратно. Тут я обна-

³ Картина «Демон сидящий», М. А. Врубель.

ружил, что часы были словно литые – без единого шва и стыка. Я оглядел их и обнаружил, что, кроме золотистого циферблата, темных стрелок и необычного древесного корпуса без узоров и украшения, позади них была едва заметная искусная гравировка.

«"То, что я утверждаю сейчас, – ложно"⁴», – прочитал я несговорчивый узор текста.

Я моргнул, пытаясь это понять и осмыслить. Если принять это утверждение за правду, то правдой станет то, что это утверждение – ложно. Если же оно ложно, то оно, следовательно, правдиво, ведь об этом же оно и говорит. И опять же: если оно правдиво, значит, истинно то, что оно ложно...

Перед глазами у меня слегка всё померкло, словно убегая в водоворот бесконечных рассуждений, и я поспешно отвернулся, боясь двуликой надписи, едва не погрузившей мой растерянный разум в бессознательное состояние.

«А вдруг это верно только в отношении часов?! – возбужденно подумал я. – Ведь именно они не могут утверждать правду постоянно, ибо время уходит и на смену ему приходит иное! Приходит иная правда, которая также скоротечно уйдет, став новой ложью! Каждое утверждение часов верно, ибо оно – ложно! Они говорят правду, через мгновение отрицая ее! Они... они... Ложная правда... Ложь... Я...»

Я отрешенно понял, что постепенно утрачивал контроль над собственными суждениями. Это было глубже, чем казалось. Мой разум упорно и тщетно искал логический выход из замкнутого круга – выход, которого не было.

«"Как в море льются быстры воды, так в вечность льются дни и годы"⁵», – зачарованно повторил я нечто, пришедшее из недр памяти.

Это высказывание, к моей вялой радости, услужливо вырывало меня из теней цепких рассуждений. Я тут же расслабился и, жадно глотая звуки моря и ветра, угловато отошел от камина, постыдно сбегая из плена коварной фразы на часах.

«Что это было? Почему я просто стоял там? Я же мог уйти и не думать об этом!.. Или не мог?.. Мог... Похоже, я сам себе не давал этого сделать!..» – потрясенно осознал я.

Видимо, мой разум и тело всё еще не признавали моего контроля над ними, строптиво создавая для меня почти неодолимые препятствия. А еще я так и не обратил внимания, который сейчас был час. Но возвращаться или оглядываться было выше моих истрепанных сил.

Бросив беглый взгляд на будто плавающий в белом сиянии занавесок стол, я только сейчас заметил, что в обеденной зале, помимо пыли и окон с дверьми, отсутствовало и еще кое-что: ее непременный атрибут – стулья. Поскольку эта странность была одной из многих, я не придавал ей особого значения и подошел к следующей записи.

Желтый лист был на своем месте – под тарелкой. Осторожно его вынимая, я обратил внимание на свои ногти: они были ухоженными и аккуратно постриженными. Я лихорадочно оглянулся, словно мои ногти получили уход именно сейчас, при мне.

«Как глупо... и нервно, – оценил я свое действие. – Но кому-то же для чего-то понадобилось уделить внимание моим пальцам!»

Безразлично поморщившись от воздушной мигрени, возникшей после мотания головой, я осторожно коснулся своего лица, желая проверить уровень щетины. Едва ощутимые жесткие волосы были в основном над верхней губой и на подбородке.

«И что это мне дает?» – задумался я на секунду.

Попытка определить возраст по интенсивности и месту роста волос была абсолютно бессмысленна: что-то подсказывало мне, что это являлось индивидуальной особенностью каждого организма, зависевшей в первую очередь от уровня гормонов.

⁴ Одна из апорий Евбулида.

⁵ Фрагмент из оды «На смерть князя Мещерского», Г. Р. Державин.

«Забавно, столько новых знаний», – тускло подумал я и понуро приступил к изучению подобранной записи.

«03 октября 2018 года.

Среда.

Это всё-таки случилось. Рано или поздно это должно было произойти. Несмотря на наше желание помочь тебе, мы не могли позволить тебе уйти, невольно взяв на себя роль твоих любящих тюремщиков. Мы выбрали другой путь – не милосердия, но отчаяния. И пусть для тебя было сокрыто наше присутствие и ты не мог его почувствовать, мы всегда были рядом – каждую поганую секунду, каждое проклятое мгновение этого кошмара. И, когда он для тебя закончился, это стало облегчением и новой пыткой...

Мы должны были так поступить. Надеюсь, ты поймешь...

И вот сейчас, когда прошло уже более полугода, в течение которого я безуспешно пытался... Я даже не помню, что делал всё это время...

Где, кстати, Лив? Куда она делась с того момента и что с ней стало? Что стало с нами со всеми?..

Мне кажется, она стала искать спасение в подоле у Бога, который был столь "милосерден", что позволил всему этому случиться. Лив, ты можешь верить во что угодно, но лично я буду верить только в то, что из всего этого есть выход.

И, когда сегодня я неожиданно пришел в себя и осознал, что не помню и не знаю, чем занимался всё это время, я понял, что добровольное забвение, в чём бы оно для меня ни заключалось, – не выход. Хотя, конечно, я предполагаю в чём был его смысл, особенно видя тот ворох бумаг, в котором я очнулся.

Если бы ты знал, как я испугался, когда подумал, что всё потеряно, что эти месяцы бесцельно выпали из моей жизни – из нашей жизни! – что я упустил момент, что я потерял тебя, что... Я был готов покончить с собой, но Лив, моя верная спутница, моя жена, моя опора, успокоила меня, сказав, что я всё сделал как надо и что ты в безопасности и сможешь дождаться этого мига свободы.

И как же я был счастлив – счастлив радостью безумца, что нашел свои, казалось бы, утраченные мучения и страдания, без которых он себя уже не представляет! И я плакал – плакал, пока ко мне не подошел Иро. Ты бы его видел: он исхудал, глаза потухли. Такой же была и Лив. Думаю, и я от них абсолютно не отличим; мне всё еще предстоит поход в ванную комнату.

Как ни странно, но я всё равно вел записи, разобрать которые теперь стоит большого труда. Знаешь, я бы все свои открытия, в том числе и это, променял бы не думая и не глядя... И я бы с радостью отдал себя, если бы это только было возможно...

Ты уже не будешь прежним – но я не могу принять этого. Ты – это ты! И для нас ты всегда останешься самым собой, даже когда в своем путешествии тебе покажется, что в тебе нет того человека, каким ты когда-то был. Ты – это ты.

Я, видимо, совсем мало спал. Лив только что была у меня. Она говорит, что я слишком много времени провожу со своими записями и воспоминаниями, словно встревоженная нищенка с горстью последних медяков, что сверкают ярче всех камней на свете. Говорит, что на эти медяки я всё равно ничего не куплю.

Раньше эта отпетая реалистка так не выражалась. Она идет по новому для себя пути.

Знаешь, нам пришлось спрятать тебя от всех и всего. И только Иро оказался выше преград: он всегда безошибочно находит тебя и молчаливо дежурит рядом. Он остался таким же верным...

Еще у меня, похоже, дисфункция кратковременной памяти и проблемы с формированием цепочек умозаключений. Надо будет перед каждой записью перечитывать предыдущие. Еще

необходимо восстановить базовый уровень здоровья, иначе Лив одна может не справиться. Только бы не позабыть об этом...»

Новая запись оставила свежий виток гнетущего впечатления. Я держал ее в руках и почему-то боялся отпустить ее, словно исчезновение из моих рук листика бумаги могло приподнять завесу над какой-то ужасной тайной, что, возможно, скрывали эти обрывки воспоминаний.

«А если четвертый – тот, к кому они иногда обращаются, – один и тот же человек? И человек ли это, если они его прячут?.. Что-то там, в записях, случилось, и это не дает этим двоим покоя, грызет их. И возможно, именно это и разделило их, обратив Лив к вере и наделив Кениса отчетливыми претензиями к Богу», – задумался я и посмотрел на агрессивно выделенное чернилами и подчеркнутое несколько раз слово «милосердный».

Подняв лист на уровень глаз, я погрузил его в солнечный свет, вглядываясь в расположенные в верхней части бумаги отметины, оставшиеся после чьих-то нечеловеческих зубов. Нечто похожее было и на других найденных отрывках. Что-то систематически оставляло эти следы.

«Значит, всё-таки кто-то или что-то тут есть... – мрачно заключил я. – Но для кого разложены эти записи и для чего? И какой был смысл оставлять одну из них в темноте?»

Я опустил руки и бережно вернул запись на свое место под тарелку. Я с грустью почувствовал, что люди, написавшие всё это, нечаянно стали мне верными спутниками, чьи мысли и воспоминания заменили мои собственные.

«Что же вас гнетет? – отрешенно обратился я к Кенису и Лив. – И что здесь происходит?..»

Я аккуратно поправил рядом с тарелкой столовые приборы – а потом сделал это еще раз и еще, не находя им конечного места. Через секунду я уже безостановочно перемещал вилки и ножи, пытаясь найти для них идеальное расстояние от тарелки. Так продолжалось некоторое время, пока я не одернул себя, вспомнив, что такие действия могли быть обсессивно-компульсивным расстройством.

«Обсессивно-компульсивное расстройство... Обсессивно-компульсивное расстройство?! – крайне удивился я. – У меня?! Это... это... невроз навязчивых состояний. И что это?..»

Я замер, мучительно пытаюсь вспомнить или хотя бы понять, что именно это могло означать. Чем бы это ни было, это определенно имело отношение к перекладыванию предметов на столе. Возможно, что и рядом с часами произошло нечто подобное. Но стоило ли этого опасаться, если я осознавал это и противился этому?

Неожиданно я ощутил, как на моих губах заиграла легкая болезненная улыбка. Я ничего о себе не помнил и не знал, имея лишь обрывки разрозненных знаний. Я не знал, какой сейчас период времени и где я нахожусь. Я не знал, что со мной, и я не мог говорить. Действительно, было от чего улыбаться: перекладывание предметов являлось не самым страшным в моем состоянии и моей ситуации. Выражаясь словами Кениса, я и мир вокруг меня и так были полны «разнообразных дисфункций».

С этим обнадеживающим умозаключением, оттеснявшим навязчивые и расплывчатые мысли о еде и питье, я направился к одному из ярко сверкавших балкончиков. Отодвинув невесомую и искрившуюся ткань занавесок, я вышел под упругий парус ветра и Солнца. Как и некоторое время ранее, слепящий простор тут же подхватил меня, вливая в мою грудь свои чистоту и лазурь.

«Прости, что я не могу сказать "спасибо" вслух», – извинился я перед солнечной бесконечностью.

Близко-далекое море, так похожее на зеркальное покрывало, бежало дрожавшей рябью, вызванной давлением трущегося об него ветра, что был словно домашний питомец, прижимающийся к хозяину в надежде получить от него чуточку больше желанной ласки и любви. И

море давало это, вздымаясь редкими волнами, заключавшими в свои влажные объятия набегавшие воздушные выступы.

Блаженно щуря глаза и вдыхая просоленный аромат свежести и прохладное тепло, я поднял взор в ультрамариновую глубину неба и увидел над собой лоджию. Немного поразмышляв над маршрутом своего спуска, я пришел к выводу, что именно с нее я впервые и выглянул наружу.

«Странно, что я не заметил балкончики, расположенные ниже. Может, заметил, но не осмыслил?» – легонько пожал я плечами.

Вдруг мое внимание привлекло нечто, висевшее под расположенной сверху площадкой. Это напоминало болтавшуюся на ветру буро-розовую паутину или пену.

«Мох. Там должен быть мох», – неожиданно понял я.

Продолжая рассматривать эту необычную находку, я не смог найти в себе даже приблизительных отголосков того, чем это могло оказаться. Могло ли это быть подтверждением того, что я находился в чуждом мне, как человеку, месте? Могло ли это свидетельствовать о том, что здешние флора и фауна коренным образом отличаются от того, что встречало человечество на своей родной планете?

Внезапно это мне кое-что напомнило, и это самое «кое-что» я видел совсем недавно. Невольно начав искать подсказку глазами, я наткнулся взглядом на далекие края акватории. Они казались такими же бурыми и пожухлыми...

«Неужели это действительно другой мир?.. – не поверил я. – Или, может, прежнего уже просто не существует, потому что у тех владельцев записей всё получилось?..»

Меня затрясло и бросило в озноб, и даже заботливое Солнце не смогло изгнать окутывавший меня холод. Крупно дрожа, я стремглав бросился обратно, желая видеть знакомые моей прореженной памяти предметы.

«Куда делись стулья?! Почему тут нет ни окон, ни дверных проемов с дверьми?! – Я лихорадочно огляделся. – Может, это то, чего я просто не знаю? Вдруг это какой-то новый вид растений, бактерий или еще чего такого? *Почему же они тогда не только на лоджии, но и на видимой мне части суши?!*»

Я попытался крикнуть – и не смог, лишь почувствовав, как напряглись жилы на шее да обжигающе начало гореть лицо, скривившееся в бессловесном вопле. Я ухватился за край стола и едва удержал себя от желания вырвать таившиеся в горле звуки собственными руками. Необъяснимое смятение тут же наполнило мое возбужденно бившееся сердце безотчетной тревогой.

«Я должен понять, что это... Я должен найти спуск вниз, – одержимо подумал я. – Я должен найти доказательства того, что я ошибаюсь!»

Неуклюже отмахнувшись от сверкавших занавесок, я двинулся ко второму выходу из обеденной залы. Обогнув мелкие осколки зеркала, я случайно бросил взгляд на картину с юношей. Тот с сочувствием посмотрел на меня. Я пошатнулся и выскочил прочь.

Часы показывали без пяти минут пять.

Что-то гнало меня вперед – что-то, что заставляло меня думать об ответе, что, возможно, крутился у меня под самым носом. Перед моей испуганной, мятущейся душой, чьи дрожащие струны цепко сжимал стальной клещ одиночества, мелькали проемы, проходы, арки, комнаты, коридоры, лестницы – но я не замечал их, полностью отдаваясь этому безумному порыву.

«Вниз. Я должен спуститься вниз. Надо спуститься к земле и увидеть, что это. А вдруг я всё-таки не прав? Вдруг это просто новый вид чего бы то ни было? Я должен увидеть хоть что-то другое – что угодно, лишь бы это было живым, органическим и в своей естественной среде обитания! – Я остановился, не совсем понимая свои разбросанные мысли. – Ведь это же я! Я – живой, я – органический, даже если и нахожусь неизвестно в чьей среде обитания!.. –

Я нервно схватился за липкий лоб. – Это ничего не доказывает. Я не могу быть показателем окружающего мира, так же как и та дрянь не может быть показателем того, что подобное ей есть везде».

Приступ гнавшей меня паники прошел так же неожиданно, как и появился. Наверное, так оно и должно было быть, учитывая мое состояние и странные особенности этого места. Просто немного запоздало, вот и всё. Главное, что я не наступил ни на что и нигде не упал. Похоже, я оказался крепче, чем сам о себе думал. Трудности с укрощением собственных эмоций и чувств я в расчет не брал.

«У меня же просто отсутствует опыт. Его же элементарно нет! – вдруг сообразил я. – При наличии определенных знаний я словно заново учусь жить... Я ведь даже не знаю, как на свои подобные выходы реагировать и как реагировать на то, что их порождает!..»

Я потерянно огляделся и разочарованно отметил, что розоватых пятен, оставшихся после следов, нигде не было: или был выбран не тот проход, или они были слишком неприметны. Зато я оказался в большом и просторном холле с вожделенным выходом наружу.

Внезапно мое разгоряченное от бега лицо исказила гримаса боли, после чего я медленно опустился на пол. Мне было плохо: глухой набат в ушах и горле мешал слышать; ядовитый жар тела не давал почувствовать колебания температуры и воздуха; марево перед глазами, вызванное клейким головокружением, плавало место, куда я попал, в безликие миражи.

«Похоже, сейчас я умру... – ужаснулся я. – И умру я без ответа на вопрос, что меня же насмерть и загнал!»

Я упрямо и бесцельно пополз вперед, остро сожалея, что под моими трясшимися руками и коленями вместо прохладного каменного пола было темное покрывало, каким обычно обитают ступени лестниц. Наконец я сообразил, что сейчас не умру – только если не попытаюсь на карачках спуститься с открытой лестницы второго этажа. Если была лестница, значит, должны были быть и перила. Я устало и неопределенно махнул рукой и обнаружил их слева от себя.

«Как я сюда вообще в целости добрался?» – флегматично удивился я.

Я повернулся к перилам и с трудом сфокусировал взгляд, оглядывая холл.

Холл был просто громадным. Две его лестницы стекались в одну, что затем широким шлейфом спускалась в царство темнеющих ходов и мрачных колонн, державших на себе перекрытие верхнего этажа. Был здесь и ветер. Он глумливо катал по полу мозаику кривлявшегося беспорядка и инфантильно раскачивал огромную люстру, предназначавшуюся исключительно для свечей.

Несмотря на наличие над центральным порталом выхода пустой «розы»⁶ и расположенных ниже нее таких же дырявых стрельчатых окон, было немного сумрачно: ни Солнца, ни его лучей видно не было. Снаружи было что-то тоскливое и бесформенное – какая-то беспокоящая меня дымка, что мягко надрезала мои слезившиеся глаза.

«Возможно, это просто туча», – успокаивающе сказал я себе, остро ощущая нехватку Солнца.

Тут я сообразил, что смотреть через стойки перил, не перемещая головы, было довольно-таки глупо. Потратив несколько долгих секунд на унизительный подъем с пола, я вдумчиво оперся на лакированный поручень, после чего стал спускаться, тщательно переставляя гудевшие ноги. В какой-то момент этого карикатурного спуска я удивленно обнаружил, что почему-то не мог сделать больше и шага.

«Что это? – потрясенно посмотрел я на свои непокорные ноги. – Моя бессознательная часть, похоже, опять застала меня врасплох. Что на этот раз?»

⁶ Крупное окно, выполненное в форме круга, украшенного симметричным узором. Используется преимущественно в церквях, построенных в романском и готическом стилях.

Я осторожно поднял взгляд и в трепете вздрогнул, ощутив, как паника начинает неторопливо возвращаться. Картина. Дело было в висевшей на стыке двух лестниц огромной картине.

В самом ее центре, посреди раскаленной степи, изобилующей головешками обугленных деревьев, располагались разъявленные, посеченные и расколотые человеческие черепа, сложенные в серо-желтую, неопрятного вида жуткую пирамиду. Вдалеке, справа от этого безжизненного кургана, виднелись раскрошившиеся стены разоренного города. В воздухе кружили вороны⁷.

Все эти ухваченные моим испуганным взглядом детали, в том числе и жёлтый колорит полотна, могли символизировать только одно – смерть и опустошение. Имевшееся на картине ясное синее небо только подчёркивало эту обнаженную мертвенность.

Я попытался совладать с собой, но вместо этого в необъяснимом ужасе попятился, упав спиной на недавно преодолённые ступени. Я не мог отвернуться от черепов, не мог вырваться из их пустых глазниц. Вдруг черепа оскалились, улыбнулись и – посмотрели на меня. Спустя миг я услышал сухое постукивание их высушенных черепков.

«Опять. Опять... – Я безнадежно поднял дрожавшие руки, закрывая себя. – Это как с часами, как с паникой. Это просто картина. *Картина!* В ней ничего нет – ни плохого, ни хорошего... Просто чей-то вкус пугает меня. Просто...»

Однако все эти увещания не помогали: мое тело упрямо оттаскивало меня обратно.

Внезапно холл озарился ярким солнечным пламенем – тем самым, что неотступно сопровождало меня с момента пробуждения. Лучи Солнца прошли сквозь «розу» и яростно впились в ухмылявшиеся оскалы, заставив их удивленно и испуганно скривиться. Раздался страдающий вой, который тут же угас, сменившись ласковым шепотком и шелестом ветра. После этого картина со страшным грохотом упала, постояла мгновение и, словно раненый зверь, медленно и воздушно завалилась вперед, обнажая бежевую рубашку с приклеенным к ней маленьким конвертом.

«Оно вернулось! – счастливо заулыбался я, безмолвно и беззвучно всхлипывая. – *Солнце – вернулось!*»

Я никак не мог успокоиться. Ощущение защиты и покровительства чистой благодарностью смочило мои глаза. Я был как маленький ребенок – только обнять меня было некому.

«Как... как это одолеть? Мое состояние не просто довлеет надо мной – оно мной управляет! – К своему удивлению, я обнаружил, что мой психоэмоциональный уровень был неотличим от уровня новорожденного. – Неужели я действительно настолько беззащитен?.. Что для детей является непререкаемым и абсолютным? Что дает им защиту и спокойствие? Может, какой-то символ или знак?.. Рука! Родительская рука! Родитель! Вот самый совершенный для них оберег, в который они безоговорочно верят! – внезапно сообразил я, осененный своей переменчивой памятью. – А... а что есть у меня?.. У меня есть только это, – грустно улыбнулся я и поймал в ладонь греющий луч света. – Надо попытаться расслабиться...»

Некоторое время я просто лежал, блаженно впитывая телом тепло и прохладу, принесенные вернувшимися чувствами и Солнцем. Немного успокоившись, я обратил внимание на маленький конвертик, после чего, иррационально опасаясь перевернутого под ним изображения черепов, осторожно отлепил его от картины. Конверт был старым, с небольшой сургучной печатью, имевшей вычурный символ, и на записи Кениса и Лив походил мало.

«А стоит ли?» – пожегся я, не желая открывать конверт.

И всё же осознанной причины, препятствовавшей удовлетворению любопытства, у меня не было. Было лишь трусливое предположение, что всё, что было связано с недавним ужасом картины, стоило оставить в покое. Однако потребность в любых проявлениях информации

⁷ Картина «Апофеоз войны», В. В. Верещагин.

подавила все мои опасения. В это же время Солнце окончательно испарило послевкусие моего необъяснимого страха, бережно взлелеяв во мне огонек уверенности.

Я осторожно открыл запечатанный пакетик.

Обнаруженный там вдвое сложенный лист был старым и дряблым, почти разложившимся на волокна. Я поднес его к глазам и удивленно пошевелил губами: запись была датирована третьим сентября тысяча девятьсот восемнадцатого года! Почти сто лет назад от самой поздней найденной мной записи!

Выживая из недр памяти даты дневников, я принялся жадно поглощать текст.

«Это должно будет свершиться, и я уверен, что это уже произошло. Я знаю, что через много лет, примерно чуть более ста, это место найдет своих последних и единственных обитателей.»

Мое завершающее творение закончено, и оно – совершенно. Это симфония пространству и времени; это – последний дом, обитель света и тьмы, убежище и изоциренный лабиринт. Это вместилеще того, что человеческий разум не способен постичь.

Я лично проектировал каждый свод, каждый изгиб, каждый будущий блеск лучей и брызг этого места. И я бы покривил душой, если бы не сказал, что мое творение имеет свой дух, свой характер, свое собственное провидение и свою непередаваемую и уникальную строптивость. Оно примет не только последних из нас, оно обретет нашу общую утерянную душу – душу, что будет жить и дышать ради последних остатков человеческой памяти.

Живущее вокруг меня множество считает меня психом, сумасшедшим, умалишенным, но это неважно, пока мой желтый дьявол затыкает их рты и наполняет их желудки. Извержения их слюнявых ртов не имеют никакого значения, поскольку никто из них не застанет предначертанного часа, равно как и никто из них не способен видеть того, что дано прозревать мне.

Когда строительство было закончено, нечто поселилось в моем детище.

И именно это нечто заставило меня отказаться от окон и дверей: ежели хоть одно из них занимало уготованное им место, то наутро я находил лишь битые стекляшки да покорженную древесину... Иногда они буквально взрывались в руках устанавливавших их рабочих, рассекая и уничтожая внутреннее убранство помещений. Перепуганные насмерть люди при этом, как ни странно, всегда оставались невредимыми.

У этого места есть незримый хранитель, который наконец проявил себя. Он бдительно следит за тем, чтобы Солнце могло свободно играть с тьмой, не оседая на стеклах и не упираясь в двери. За Солнцем он всегда приводил ветер и море. А за ними уже следовал и весь мир. Так и будет...

Всё это переполняет меня божественным озарением и откровением, что указывает на истинность и завершенность моих действий. Это место вне времени и разумов примет того, кто будет последним и первым. И он будет не один...

Так смешно и забавно наблюдать за людьми – с их сомнениями и страхами, с их бесплодными чаяниями и несбыточными надеждами на грядущее, что никогда не настанет. Никто из них даже не подозревает, какая судьба уготована им и их потомкам. И это прекрасно. Так и ягенок перед закланьем должен быть чист, светел и спокоен.

Я предвижу конец и начало, будущее, прошлое и настоящее, соединенные в одном-единственном месте – в этом. Многие пытались выведать, в чём его секрет, в чём его тайное предназначение, и каждый раз, когда я вещал об этом, никто мне не верил. Все искали что-то такое, что смог бы принять и переварить их скудный рассудок; что-то такое, что омыло бы их мысли от страха.

Как человек никогда не сможет подчинить себе то, чего он действительно страшится, так и данное послание никогда не будет найдено ему подобными. Только тот, кому должно,

только тот, кто станет чистым истоком для всех нас и всего этого мира, сможет его коснуться.

Я, Астгаф Зодик, зодчий и архитектор этого места, единственный его владелец и смотритель, вручаю его тебе.

Астгаф Зодик.

3 сентября 1918 года».

Меня снова бросило в озноб. Сто лет. Он так и написал: «чуть более ста». И от этой даты до самой поздней из записей прошло *чуть более ста лет!*

«Что он имел в виду? То, что происходит сейчас? Может, это просто совпадение?.. А если нет? Если этот... Астгаф Зодик, – подсмотрел я имя писавшего, – не просто знал, о чём он пишет? Если он действительно "прозревал" будущие события? Тогда что? Человечество обречено и здесь на самом деле скрывается нечто, хранящее это место?.. Следы! – сумрачно вспомнил я. – Чьи они? Не могут же они принадлежать этому самому "хранителю"?! Или могут?..»

Я окончательно поник, чувствуя, что и зодчий, и Кенис с Лив писали об одном и том же – наступающем или уже наступившем финале для человека и всего мира. «Последний и первый», «чистый исток» – вот кто должен был получить это послание. Я заторможенно взглянул на конверт и отрешенно отметил, что до меня его не вскрывали: оттиск печати под подписью зодчего был близнецом оттиска на конверте.

«"И он будет не один", – повторил я про себя. – С кем? С кем он будет? С этим существом, оставившим следы? Или со мной? Или это всё обо мне?»

Я тихо уткнулся головой в сложенные руки и беззвучно засмеялся. Силы и уверенность, вернувшиеся благодаря вмешательству Солнца, медленно покидали меня. Подавив через секунду безликую улыбку, я еще раз проверил пожелтевший от времени конверт и обнаружил, что, помимо листа, в нём было еще кое-что. Пресно размышляя о прочитанном, я вытаскивал свою находку.

Это была небольшая и старая черно-белая фотография с изображенным на ней огромным строением. Само строение напоминало угрюмый замок, ютившийся на гигантской скальной площадке, от которой до фотографа шел длинный широкий мост без перил. Окаймлением этого архитектурного монумента выступали далекое море с кромкой горизонта и обрывавшаяся вниз высота.

Вглядываясь в пустые глазницы фасада запечатленного строения, я увидел нечто знакомое. Повернувшись к «розе», я обреченно сопоставил видимые мне изнутри форму и расположение окон и выхода с аналогичным у строения с фотографии. Мгновение сердобольно затаилось, а потом я понял: они были идентичны.

По моему пересохшему горлу прокатился давно застрявший ком дурных предчувствий. Я сдержанно перевернул фотографию обратной стороной. Обнаруженная на ее обороте надпись гласила: «Мой Малинис». Судя по почерку, и надпись, и письмо в конверте принадлежали руке одного и того же человека. И судя по всему, этим же рукам принадлежало и это место...

«"Мой Малинис". Что же имеется в виду? – невольно заинтересовался я. – Что слово "мой" – это часть названия? Или же "мой" просто означает принадлежность и отношение строения к написавшему это – к его словам и поступкам? Да и название ли означают эти два слова? – Я зябко поежился, не найдя ответов. – Что ж, видимо, теперь это *мой* Малинис...»

Пытаясь отвлечься от душившей меня информации, я задумался о том, что качество и состояние фотографии и бумаги вполне соответствовали дате послания. Это маленькое наблюдение, сдобренное фактом моего нахождения в месте, описанном зодчим, убедило меня в том, что я всё же находился на родной планете человечества.

Ветер одобрительно потерся о мою щеку.

«Я на Земле... – кисло подытожил я. – Неужели всё уже случилось, и я просто бесцельно брожу среди жалких остатков человеческого наследия?..»

Я апатично отложил треклятый конверт с его тревожным содержимым и, твердо намереваясь спуститься, встал. Несколько раз покачнувшись, я пошел вниз по лестнице.

«А окон, выходит, не было и тогда. Если бьются стекла, то почему те зеленые иллюминаторы на трубах остались целы? – Я хмуро вгляделся в приближавшийся беспорядок, интимно примыкавший к парадному входу. – Или это касается только дверных и оконных проемов?»

Я сошел со ступеней и огляделся. Создавалось впечатление, что валявшиеся в лучах Солнца предметы были в одночасье грубо сброшены со своих мест. Здесь были осколки декоративных ваз, щепки от снятых столиков, дрожавшие по краям холла сорванные гардины, каменные крошки и многое другое. Лишь центральная люстра была на своем месте, лишенная своих толстых желтоватых свечей, покоившихся среди беспорядка.

Я непроизвольно сглотнул, получив от памяти отголосок о том, что иногда свечи делались из сала, представляющего собой животный жир, который откладывается под кожей и который... можно было есть.

Рот мой наполнился жалким подобием слюны, и я подобрал ближайшую ко мне свечу. Осторожно ее понюхав, я зачем-то коснулся ее языком. Это определенно было глупо: я бы ни за что не отличил подобным образом парафин от алюмокалиевых квасцов или натриевой селитры, добавляемых в жировые свечи.

В итоге мои неискушенные нос и язык скромно смолчали, не найдя ничего тревожащего или предосудительного. Далекое воспоминание о вариациях употребления сала сделало меня неосмотрительным, и я, открыв рот, впился зубами в вожденную поверхность свечи. Ее часть откусывалась так же, как и работала моя челюсть, – с трудом. Наконец заполучив небольшую порцию свечной стружки, я осторожно покатал ее на языке. Горький привкус и блокирующий слюну налет тут же деспотично подавили желание насытиться любой ценой.

«Только отравления не хватало!» – скривился я и при помощи рвотного спазма брезгливо выплюнул жалкий комочек свечной стружки.

Передернувшись от противного послевкусия и увиденного, я торопливо продолжил прерванное голодом движение, без сожаления оставляя мысли о смутившем меня продукте неудовлетворенными.

Я еще раз осмотрелся. Некогда внушительный холл должен был очаровывать роскошью и бархатом с первого взгляда. Теперь же он вызывал лишь тоску и уныние. Неожиданно я, к своей радости, заметил перевернутую стойку с обувью, лежавшую недалеко от парадного входа.

Не дойдя до стойки несколько шагов, я остановился: из всего вороха раскиданной обуви, среди которой была и мужская, и женская, пара тапочек выделялась особняком. Тапочки были ровно и аккуратно поставлены, в то время как их цветовая гамма полностью совпадала с тонами моей одежды. Я еще раз с трудом сглотнул и облизнул пересохшие губы; вкус свечки уже успел изгладиться.

«Кто-то знал, что я буду здесь находиться!» – с досадой подумал я.

Это мысль пробудила во мне непокорство, заставившее меня пройти мимо подозрительной обуви и начать копать в обувных остатках. Взяв в руки первый попавшийся ботинок, я с сожалением обнаружил, что он был смят, изорван и, по-видимому, пожеван.

«Неужели...» – не поверил я.

Через несколько секунд мои опасения подтвердились: вся имевшаяся обувь была в абсолютно непригодном для носки состоянии. Мрачно вздохнув, я вернулся к навязанным тапочкам и тяжело опустился с ними рядом, немного поелозив на мелких камешках.

«Без обуви я не смогу», – покачал я головой, бережно счищая грязь со своих холодных ступней.

Я еще раз внимательно пригляделся к неизвестно кем предлагаемой обуви: с ней всё было в порядке. Но кем-то же была целенаправленно испорчена остальная, чтобы лишить меня возможности выбора! И вот теперь у меня его не было.

«Надо было поискать в комнате, где я пробудился, – запоздало сообразил я. – Раз меня там кто-то оставил и позаботился обо мне – одел, уложил и так далее, – то и наличие обуви он должен был бы предусмотреть. А в чём тогда отличие между обуванием "там" и "здесь", если я всё равно буду только в том, что мне предложат?»

Несколько раздраженно пожав плечами, я взял левый тапочек, что больше походил на облегченный ботинок, и подозрительно осмотрел его. Тапочек был теплым и нежным внутри, с замысловатой сеточкой вентиляции на белоснежном внешнем покрытии. Я аккуратно обул его и ощутил настоящее блаженство.

«Да, этого определенно не хватало, – потянулся я за вторым. – И даже размер мой...»

Со вторым тапочком мне повезло меньше. Попытавшись втиснуть свою правую ступню в столь приятную оболочку, я обнаружил, что мои пальцы ноги во что-то уткнулись, породив этим действием обескураживающий шорох.

«Это что еще такое?» – насторожился я и достал из тапочка шершавый ком бумаги.

Смятый белый лист был поразительно похож на запись Лив. Опасливо развернув находку, я обнаружил, что это действительно была ее запись.

«Значит, кто-то хотел, чтобы я надел эти тапки и увидел эту страницу, – смекнул я, заканчивая обуваться. – Вот теперь я точно одет как пациент... или подопытный!»

Неожиданно мне вспомнилась недавно прочитанная фраза об Иро. «Он остался таким же верным» – не то утверждала, не то сообщала она.

«Кто может остаться "таким же верным"? Друг? Собака? Собака?! – растерялся я. – Странный вывод... Ну а вдруг? Раз уж кругом происходит нечто туманное, то и трезво мыслить, возможно, уже просто неразумно!»

Однако следом я всё же решил, что здравомыслие – это единственное, на что стоило уповать и от чего стоило отгаликиваться в первую очередь. И еще я почему-то искренне рассчитывал на «руку родителя», что помогла мне с картиной...

«Похоже, Юанг всё понял – или же он крайне к этому близок. Судя по его тщательно контролируемой взбешенной реакции, он нам не поможет. Для его проницательности и сообразительности это было лишь вопросом желания. И в тот момент, когда он осознал, что озвученная мной схема не относится к изучению распада черных дыр, теоретическое возникновение которых мы же с Кенисом практически и подтвердили, я увидела миг его зарождавшегося прозрения. После этого расположение спутников нашего БАКА могло стать достоянием общественности, а истинная причина их нахождения в ключевых точках планеты – нашим концом.

Я сделаю это. У меня нет выбора. Бог не позволит вмешаться в его замысел.

05 декабря 2020 года. Суббота.

Мы только что закончили многогодовую модернизацию каскада предварительных ускорителей, существенно повысив светимость коллайдера. И в эти последние мгновения триумфа и предвкушения я убила его. Как только его височная жилка напряглась, а рука потянулась к дежурному телефону, я достала этот чертов тяжёлый револьвер. Когда же он открыл свой испуганный рот для обвинений или оправданий – я убила его.

Думала ли я, что способна на такое? Я просто взяла и прострелила его влажную лысую голову – прямо там, в начале пристройки кольцевого линейного ускорителя электронов, в месте, где мы работали над проектом уже несколько лет. Много там бывало, но убийства еще не было никогда.

Пуля попала в его левую глазницу, вгрызлась в его глаз и осела маленькой свинцовой таблеткой внутри его толстолобого черепа. И что я ему сказала? Что я ему сказала после этого?.. То же, что я могу и хочу сказать и сейчас.

Спасибо.

"Спасибо" – вот то самое слово, что сорвалось с моих задрожавших губ. "Спасибо" и маленькая свинцовая награда – вот что он заслужил за свои пронзительность, помощь и дружбу. Он боготворил Кениса и преклонялся перед его гением, закрывая на многое глаза. И так продолжалось до тех пор, пока все кусочки головоломки не сложились в единую картину в его взволнованном разуме, что теперь может свободно обогащаться кислородом через новое отверстие. И всё, что я могу сказать ему за это, – "спасибо".

Спасибо, что помог осознать, что всё это происходит по-настоящему...

Это пугало меня больше всего: пугало, что всё, что мы делаем с Кенисом, вымысел; что всего этого не существует и что всё закончилось в тот самый момент – без надежды на исправление. И это маленькое кровавое событие подарило мне не только краткий миг забвения – оно вернуло мне давно забытое чувство реальности происходящего.

Когда пришел Кенис и увидел, что я сделала, он ничего не спросил; ни единый мускул не дрогнул на его уставшем лице. Он просто прошел мимо и уселся на свое место, лишь немного отодвинув тело Юанга. Он всё понял, так же как в этот момент поняла и я, что он изначально планировал нечто подобное. Но я опередила его, равно как и все его работы опередили свое время.

Спасибо.

После этого я вывезла труп и скормила его волнам. И меня абсолютно не тревожило, что Юанга будут искать или будут задавать вопросы. Так или иначе, там мы закончили. Всё, что оттуда можно было взять, мы взяли.

Но как же я ему благодарна... Если бы не осознание аморальности этого поступка, нечто подобное я бы предложила и Кенису. Я не знаю, что происходит у него в голове, но не думаю, что его мысли или кошмары так уж отличимы от моих собственных.

Спасибо...

Блестящий ум физика-ядерищика Юанга просто одна из жертв пустого будущего и ужасного прошлого. Сколько их еще будет?.. Хотя что от этого миру? Что от этого мне? Одной больше, одной меньше...

Мне кажется, я перестаю себя понимать...

Даже сейчас, когда я размышляю, как бы я поступила, если бы Юанг согласился молчать или всё же решился помочь нам, я понимаю, что сделала бы это снова... и снова... Я не могу так рисковать.

Мы на всё пойдем ради тебя.

7 декабря 2020 года. Понедельник.

Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спасибо! Спа... Спасибо! Спасибо!.. Спасибо. Спаси...»

Я держал лист в застывших руках, не в силах поверить в то, что я только что прочитал.

«Убийцы... – неверяще подумал я. – Они... они всё-таки убийцы!..»

Даже эта запись была немного другой: текст был грязно-размытым, неопрятным и мелким. Было такое ощущение, что Лив переняла у Кениса его убористую манеру написания, добавив в нее от себя лишь щепотку дерганья и ассиметрии. Особенно четко это прослеживалось в конце записи.

Кисти мои задрожали, и я неловко отшвырнул пугающую бумагу. Ветер, не дав ей упасть, равнодушно перебросил ее в лучи Солнца.

«Убила и еще... еще рассуждала об аморальности своего поступка?! Рассуждала об... об отрицании своим действием моральных устоев?.. – неожиданно вспомнил я примерное значение слова "аморальность". – Но что это за место? И что это за люди?»

В этот момент Солнце тепло коснулось моего лица, а ветер принес странную смесь из знакомого звука и прохлады.

«Не надо меня успокаивать! – раздраженно отмахнулся я от них. – Убийца...»

Осознавать это было почему-то очень обидно, ведь я знал и помнил только их – пусть даже и по этим брошенным воспоминаниям. Большого у меня не было. У меня не было даже себя...

«Тело, что они таили, – вдруг сообразил я, тяжело поднимаясь, – возможно, это тело Юанга!»

Вспомнив даты других записей, я понял, что ошибался. В две тысячи восемнадцатом Кенис и Лив уже кого-то прятали – до этого инцидента со своим коллегой, которого они, между прочим, сбросили в море.

«Да и зачем им могло понадобиться прятать тело Юанга? – недоуменно задумался я. – Нет, прятали они нечто другое... или другого... Возможно, Кенис и Лив прятали того, к кому они иногда в записях так странно обращались и о ком не менее странно рассуждали... Может ли это означать, что кто-то еще стал их жертвой?..»

Появившийся страх стремительно отдалил от меня владельцев дневников. В ту же секунду я понял, что был один не только снаружи, но и внутри.

«А вдруг это писала не Лив? Вдруг она тут ни при чем? – засомневался я. – Нет, это ее почерк... Да и на что я вообще надеялся, читая записи тех, кто готов был покончить со всем, что их окружало? Чего я вообще от них ждал? Чего ждал от всего этого?! Похоже, я ждал того, что всё это окажется ложью...»

Я понуро направился под успокаивающий шепот ветра к парадному входу, продолжая думать о том, что Кенис и Лив, возможно, не просто так работали в разных местах – в одном для себя, в другом для публики.

«Может, они даже подворовывали. Или у них просто не было возможности проводить исследования в полном объеме там, где им это было нужно. Поэтому их бумаги и принесли эту смерть, – вяло подумал я. – Но ради чего всё это было затеяно? Что толкнуло их на эти чудовищные рассуждения и поступки?»

Мои разбросанные и раскиданные мысли собирались с трудом. Мне они казались грязными и неопрятными, словно осенняя листва под холодным дождем.

«"Одной больше, одной меньше", – неверяще повторил я. – Нет, больше я не стану об этом думать! Я не хочу... Что... что это за шум?»

Я растерянно вслушался в то, что пытались донести до меня мои уши. Звук был знакомым, но при этом здесь я его еще нигде не встречал.

«Это... это же шум листвы! – счастливо узнал я. – Листва!»

Я тут же оживился, страстно желая увидеть купавшуюся в лучах Солнца зелень деревьев и кустарников. Я хотел как можно скорее забыть все эти изводящие мысли, забыть ту дрянь с лоджии, забыть обещанный дневниками и посланием зодчего кошмар. Я хотел забыть это всё.

Несколько раз споткнувшись, я радостно устремился к слепившему надеждой парадному входу, мгновенно позабыв о своих свинцовых раздумьях. Окунувшись в легкое дыхание морского бриза, я поморщился от яркого света и с ужасом почувствовал, как внутри меня всё медленно коченеет и остывает...

Мое обманутое сердце жалко забилося в клетке ребер, а окрылившая меня надежда растрепалась и развеялась: того, что я ожидал увидеть, – не было. Был условно открытый внутренний двор, был знакомый беспорядок, были деревья, кустарники, трава. Вот только вся растительность была точно такой же, как тот буро-розовый мох, или паутина, или пена... как та дрянь с низа лоджии...

Мои ноги, что так легко спустили меня с парадных ступенек, в то же мгновение подломились. Панически захлебываясь от нехватки кислорода, я больно упал на колени, уперевшись бледными руками в нагретую светилом брусчатку. Не в силах поднять повлажневшие глаза,

я отчужденно уставился на гонимые ветром песчинки и поры камня, роняя на них соленые капли.

«Сколько... сколько мне так стоять? Что мне делать? Что... что я увидел?.. – замер я. – Мне это пригрелось... Моя память... моя память опознает всё это, когда я подниму голову!...»

Неожиданно меня окутало солнечное тепло, ласково и ободряюще стиснув объятием воздушного порыва мои вздрагивавшие плечи. Я порывисто покивал головой, с благодарностью соглашаясь и принимая эту необычную поддержку. После этого я упрямо и с вызовом распрямился. Я лишь закрыл глаза, желая принять всё и сразу – принять свой «*fatum*».

Однако это мгновение было отсрочено пробудившейся кляксой стихийных рассуждений, пожелавших незамедлительно узнать, что это был за язык и владел ли им я.

«Латынь... Это была латынь, а точнее, "lingua Latina" – мертвый язык, используемый в специализированной литературе. А это слово? Что означает "fatum"? Судьбу? Рок? Да, рок – судьбу злую и несчастливую... – подытожил я, собираясь открыть глаза. – Мертвый язык... Как странно. Похоже, он частично знаком мне. Интересно, как он звучит?»

Я вдруг ясно осознал, что намеренно позволял течению мыслей увлекать меня всё дальше от неотвратимости и обреченности, навеянных значением слова «*fatum*». Наконец я поднял голову к небу и открыл глаза.

Бело-голубой небосвод, как и раньше, был безоблачным. Солнце постепенно уходило за далекие холмы слева, спуская с них сумрачную тень на простирившееся дальше плато. Разворачивавшийся передо мной пейзаж нежной пылью покрывал легкий розовый оттенок. Где-то внизу мощно билось море.

Я опустил голову и – вздрогнул, увидев впереди кошмарный сад, что безуспешно пытался забыть тревожным сном мученика. Легкие струи ветра пели ему колыбельную, аккомпанируя себе тем, чей отравленный шепот я ошибочно принял за шум листвы. Каждое растение и травинка сада были покрыты гроздьями бурого вещества, выступавшего изо всех пор. И всё это мягко и тревожно покачивалось, позволяя дуновениям бриза имитировать обманчивое подобие жизни.

«Этого не было на фотографии!...» – с трепетом подумал я.

Я сделал несколько деревянных шагов по просторной дорожке, разделенной продольным островком из буро-розовых насаждений. Пытаясь унять раздувавшую меня грудь, я присел перед бывшим газоном, закованным в декоративный камень.

«Это определенно не мох и не плесень... – рассеянно заключил я, изучая превратившуюся в наросты траву. – Всё такое пружинистое, пористое и... оцепеневшее...»

Неожиданно мне очень захотелось потрогать эту субстанцию. Просто невыносимо сильно! Моя бледная кисть тут же дрожаще потянулась вперед, в то время как мои глаза принялись жадно внимать этому жуткому эксперименту.

«Да что же я делаю?!» – встрепенулся я, силясь прекратить это.

Но этого было недостаточно: «это» безостановочно продолжало манить меня, увещевая прикоснуться, – и моя рука медленно подчинялась этому страшному приказу. Не в силах оборвать поток неуправляемого любопытства, я в ужасе наблюдал, как мой палец медленно приближался к гладкой корке стебелька.

Внезапно налетел ветер и хлестко ударил меня по лицу. В ту же секунду я резко притянул своевольную конечность обратно, невольно прижимая ее к груди.

«Смотреть – не трогать, – растерянно подумал я. – Иначе эта "жажда познаний" сыграет со мной злую шутку».

Поднявшись, я осторожно пошел вдоль аллеи к видневшейся чаше фонтана, разглядывая по дороге деревья.

Деревья напоминали заплывшие язвами ивы – только клонились они сейчас не к зеркалам озер и рек, но к ковру, словно сотканному из омерзительных остатков исторгнутой назад пищи. На их стволах, под слипшимися кронами, были видны сломы и трещины, обнаженно демонстрировавшие нутро, состоявшее из такой же пенистой и застывшей субстанции. Я остановился у одного деревца с лопнувшем стволом и зачарованно вгляделся в место разлома: структура вещества здесь была такой же ноздреватой, отличаясь от остальных наростов лишь менее выраженным цветом и ломкостью.

«Как сыр, что эластичен, но всё же ломается, – сравнил я, поддавшись на мгновение чувству голода. – Опять сыр... Мягкое стало невесомым, а твердое – ломким! И всё напоминает губку, или пену, или... плесень, паутину, мох!...»

Я не мог подобрать слова, чтобы описать то, что охватывал мой пораженный взгляд. Это было похоже на всё сразу, оставаясь единым лишь в своей ржаво-рыжей гамме и легкой, словно резиновой, ссохлости. Устало помассировав лицо, я продолжил прерванное движение, тщательно обходя преграждающие путь карикатуры из изуродованных веток.

У заброшенного и безводного фонтана я увидел «чистые» сухие ветки и такие же «чистые» листья. Осмотревшись, я обнаружил, что подобный «незапятнанный» хворост с листвою был почти везде.

«Если эта дрянь на деревьях и траве, то почему тогда ее нет на этом садовом мусоре? И почему ее не было на повстречавшихся мне ранее предметах из древесины? Да и под лоджией же не дерево росло... Неужели это действительно коснулось только органического и живого? Но почему тогда это не затронуло меня? – опустошенно подумал я, чувствуя себя окончательно истощенным. – Похоже, всё, что я прочитал, – правда...»

Я утомленно опустился по серому борту фонтана и тоскливо посмотрел в его грязное рельефное дно, усеянное осколками некой скульптуры. Желания, что еще секунды назад спонтанно рождались во мне, исчезли. Мне уже ничего не хотелось – ни искать, ни есть, ни пить. Хотелось просто спать и не просыпаться... И если до этого я ничего блаженно не ведал – видимо, просто сознательно не существуя, – то сейчас мое состояние бодрствования напоминало изощренную пытку, которую я не знал, как остановить.

«Случилось и случилось... Теперь-то что? – равнодушно улыбнулся я. – Или не случилось? Да какая уже разница?...»

Мои мысли стали легкими и какими-то словно воздушными. Я был уверен, что всё вокруг должно выглядеть иначе, но какого-либо объяснения этому, кроме прочитанного, у меня не было. Неожиданно для себя я бездумно согласился со всем и равнодушно продолжил наслаждаться видом разрушенного источника, скользя «незрячим» взглядом по относительно понятной и известной мне вещи.

«Возможно, моя апатия – следствие постоянных стрессовых переживаний. Возможно, я и сам не могу осмыслить всё то, что меня окружает, – меланхолично подумал я. – Может, оно и к лучшему? Надо просто немного отдохнуть, а дальше... дальше будет видно».

Внезапно я заметил в чаше фонтана нечто узнаваемое – то, что по идее не должно было бы в ней находиться. Это было небольшое углубление в теле борта, от которого шла сеточка трещин и сколов. Дотянувшись до углубления, я вяло поковырял его, отчего кусочки покрытия отвалились, и я случайно дотронулся до чего-то металлического. Не поверив своим ощущениям, я тяжело перевесился через край фонтана, чтобы удостовериться в этом лично. Так и есть – это было входящее пулевое отверстие.

«Пуля!» – изумился я, не оставляя тщетных попыток выковырять ее из чаши фонтана.

По мне пробежали разряды электризующей дрожи, заставившей волоски на моем теле испуганно встать дыбом.

«Пуля!» – возбужденно повторил я и, неловко вскочив, стремительно оглянулся.

Быстро прикинув возможную траекторию выстрела, я напряженно посмотрел в сторону ворот. Меня снова обжигающе пронзило.

«Рано сдался!» – укорил я себя, торопясь к воротам, что, как оказалось, были в плену импровизированной баррикады.

Перетянутые толстой стальной цепью, величественные половинки ворот были вогнуты в сторону парадного входа, поддавшись висевшей на них покореженной машине. Разнообразная мебель, подпиравшая ворота, была раскидана и расшвыряна; что, скорее всего, являлось последствием таранного удара транспорта. Но и остовы мебели, и сверкающая цепь были явно излишни: створки ворот чернели радужными точками сварки.

Рядом с этим, безучастно внимая остывающим лучам Солнца и дыханию ветра, находились три тела... Меня лихорадочно затрясло, когда увиденное сложилось в некое подобие картины произошедшего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.